

ЛЕОНИД ПЛАТОВ

АРХИПЕЛАГ ИСЧЕЗАЮЩИХ ОСТРОВОВ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Леонид Платов

Архипелаг Исчезающих Островов

«ВЕЧЕ»

1949

Платов Л. Д.

Архипелаг Исчезающих Островов / Л. Д. Платов — «ВЕЧЕ»,
1949 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4444-6028-3

Середина тридцатых годов прошлого века. Советские люди усиленно осваивают северные территории государства. Возникают новые города и порты, метеостанции и научно-исследовательские базы. Для дальнейшего освоения сурового края очень нужна новая земля, которая вроде бы и существует. Вот только эти острова были открыты «на кончике пера», а у дерзкой гипотезы существует немало противников... Широко известный роман публикуется в первой редакции, значительно отличающейся от более поздних вариантов.

ISBN 978-5-4444-6028-3

© Платов Л. Д., 1949

© ВЕЧЕ, 1949

Содержание

Часть первая	6
Глава первая. Учитель географии	6
Глава вторая. Душа общества	10
Глава третья. Свет в окне	14
Глава четвертая. Человек с тенью	19
Глава пятая. Прозвище	22
Глава шестая. Тень человека	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Леонид Платов

Архипелаг исчезающих островов

© Платов Л., наследники, 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая

Глава первая. Учитель географии

Непонятное началось с первых же его шагов. Стремительно растворилась дверь, и в класс вошел человек в распахнутой форменной тужурке, быстрый в движениях, не похожий на остальных педагогов реального училища.

Загрохотали крышки парт. Мы встали.

Пока дежурный читал молитву, новый учитель рассеянно смотрел в окно и ни разу не перекрестился, что было замечено всеми. Потом не поднялся на кафедру, как ожидали, а подошел к партам.

– Ну-с, – сказал он приятным баском, – будем, значит, путешествовать вместе... Кто любит путешествовать?

Недоуменное молчание было ему ответом. На задних партах неуверенно хихикнули.

Учитель был молод, лет двадцати семи, и если бы не очки, выглядел еще моложе.

У него было большое доброе лицо и простецкий, торчащий вперед нос, чуть раздвоенный на конце (обычно такие носы называют утиными). Лоб был не особенно высокий, но широкий, с выдающимися надбровными дугами, придававшими лицу выражение упорства и силы. Надо лбом нависала непокорная прядь светлых, почти соломенных волос, которую то и дело приходилось отбрасывать назад.

Замечена была еще одна интересная подробность: на часовой цепочке вместо брелока болтался миниатюрный компас. Может быть, это был талисман?..

И Петр Арианович (так звали нового учителя), казалось, удивился, познакомившись с нами. Получая назначение в Весьегонск, наверное, не ждал, что у него будут такие ученики.

С недоумением вглядывался он в Толстоносова, неуклюжего верзилу, сына местного лавочника и племянника протоиерея, усилиями всей родни, будто мешок с камнями, перегружавшегося из класса в класс.

Толстоносов топтался у карты и нерешительно тыкал пальцем куда-то между Уралом и Волгой.

– Выше бери, выше! – неслась через весь класс подсказка. – Ох, ты!.. Каму ищи, реку Каму. На ней Пермь...

Но Толстоносов не знал ничего и о Каме и мог только, сигнализируя полную растерянность, еще выше поднимать свои реденькие брови.

– Садитесь, Толстоносов, – говорил учитель с огорчением.

Огорчение тоже было непонятно. Не все ли равно учителю, что получит Толстоносов – кол или пятерку?

Сейчас мне кажется очень странным, почему предшественник Петра Ариановича так скучно преподавал географию – предмет, интереснее которого, по теперешнему моему, может быть, пристрастному, мнению, нет ничего.

Помню, даже описание кругосветного плавания Магеллана, сделанное старым географом, разочаровало меня. Как! Все дело, стало быть, сводилось к корице, перцу и ванили?

Каждый день я ходил в училище мимо лавки Толстоносовых. За окном, на витрине, стояли баночки с перцем и сахарные головы в синей обертке. Над дверями висела вывеска: «Бакалейные и колониальные товары». Согласно разъяснению Толстоносова-сына, бакалейными (или бокалейными) назывались мука и крупа, которые отмеривали покупателям, по старинке, бокалами. На уроке географии разъяснялся смысл и второго загадочного слова – «колонияльные».

Получалось, что Магеллан стремился к Островам Пряностей в обход Америки для того лишь, чтобы отец нашего Толстоносова мог в своей лавке торговать ванилью и перцем. Это уронило Магеллана в моих глазах.

Зато новый учитель умел повернуть самые обыкновенные вещи вокруг их оси так, что на них падал откуда-то яркий, волшебный, романтический свет. Что увлекательного, например, могло таиться в понятии «меридиан»? С первого класса мы зазубрили, что это «воображаемая дуга, соединяющая...» и т. д. От одного этого скучнейшего определения сводило в зевоте рот. Петр Арианович сумел за понятием показать человека, русского человека!.. Он рассказал нам, как измерили меридиан.

Сделал это скромный народный учитель Василий Яковлевич Струве, ставший благодаря своему трудолюбию первым директором Пулковской обсерватории. Зимой он занимался астрономическими наблюдениями, а летом забирался с геодезическими инструментами в леса Финляндии или на дюны Прибалтики, ночуя у костра, добывая себе пищу охотой.

Гигантский труд занял чуть ли не четверть века. Струве измерил самый длинный отрезок дуги меридиана, какой когда-либо удавалось измерить – от одного края России до другого, от Ледовитого океана до Черного моря, – а это явилось ценнейшим вкладом русских в науку о Земле – географию.

Карта оживала под магической указкой учителя. Мы видели, как уточняются очертания берегов, меняется направление рек, всплывают посреди моря новые острова.

Петр Арианович с торжествующей улыбкой отбрасывал со лба волосы.

– Земля живет, – говорил он. – А карта – это зеркало Земли. Знаете ли, что не проходит часа, чтобы где-нибудь не совершалось землетрясения? Известно ли вам, что самое высокое в мире плоскогорье – Тибетское – миллионы лет назад было морским дном?.. Прибой – удар за ударом – разрушает берега, ветер – песчинка за песчинкой – горы. Природа не терпит застоя, неподвижности! Согласно гипотезе нашего соотечественника в результате вращения Земли целые материки, со всеми своими горными кряжами, внутренними морями, реками, плоскогорьями, плывут с востока на запад в полужидкой магме, как льдины по воде...

Петр Арианович взмахивал указкой, показывая маршрут материков.

– И главное, запомните: меняется не только Земля – меняется наше представление о ней! Когда-то Косьма Индикоплов втискивал Землю в сундук. Да-да, в священную скинию, в ящик! Но человеческой мысли было тесно там. Она взломала ящик изнутри. – Учитель делал быстрый, решительный жест, показывая нам, как мысль ломает тесный ящик. – Смелые путешественники раздвинули границы мира... Возьмите хотя бы Крайний Север (название-то какое – Крайний!). Еще в Средние века моря, омывающие Сибирь, казались человеку пределом его дерзаний, концом света. А потом выяснилось, что конца-то краю нет, потому что Земля – шар!

При упоминании о Сибири учитель воодушевлялся. Север России, насколько удалось подметить, был его слабостью, его коньком. Иногда он до того увлекался описанием северных морей, что забывал спросить урок. Этим не замедлили воспользоваться лентяи. Когда с устрашающим душой шелестом учитель раскрывал журнал и произносил: «Ну-с, а теперь попросим к карте...» – и не выучившие урок втягивали голову в плечи, отводя от учителя взгляд, с первой парты приходило спасение:

– Извините, Петр Арианович, прошлый раз вы рассказывали о плавучих льдах. Мне интересно было бы ещё...

Это называлось «оттеснять на север». Не подозревая заговора, Петр Арианович разъярялся недоуменный вопрос. Иногда – не слишком часто – подобными уловками удавалось отвлекать его от рокового классного журнала до тех пор, пока в коридоре не раздавался звонок на перемену. «Оттеснять» надо было с умом, не слишком назойливо. Класс облек своим доверием двух человек: Союшкина, первого ученика, а также пишущего эти строки, о котором в

училище ходили легенды, что он «Майн Рида знает назубок». Лентяи, расположившиеся на последних партах, чувствовали себя за нашими спинами в полной безопасности.

– Ну, братцы, выручайте! Сегодня не выучил урока, – объявлял на переменке какой-нибудь горемыка, останавливаясь передо мной и Союшкиным. – Вот и Толстоносов не выучил, и Пересядько, и Кошатников. Всем пропадать!

Толстоносов, Пересядько и Кошатников стояли тут же молча, с погребальным выражением на лицах.

И снова в напряженной тишине раздавался вкрадчивый голос:

– А вот еще скажите, Петр Арианович...

И лентяи на задних партах облегченно переводили дыхание.

– Как выглядят плавучие льды, хотите вы знать? – задумчиво повторял Петр Арианович.

Глаза его шурились, лицо светлело, точно вдали перед ним проплывала льдина, отбрасывая слепящие солнечные лучи от всех своих граней.

Он рассказывал не торопясь, с паузами, будто приглядывался к однообразному морю, постепенно различая в нем всё новые и новые детали. Мне представлялось иногда, что это капитан стоит на мостике у штурвала, а мы – команда – смотрим на него снизу, ожидая, когда же он наконец крикнет: «Земля!»

Нам не пришлось долго ждать.

Осенью того года Вилькицкий открыл Северную Землю, и хотя ее, понятно, еще не было, не могло быть в учебнике, Петр Арианович на радостях посвятил открытию весь урок.

– Видите? Видите? – возбужденно говорил он, укрепляя карту на доске. – Просторнее делается мир. Раздвигается наша Россия... И вот карта негодна уже, устарела!

Действительно, на нашей учебной карте к северу от Таймыра все было закрашено в ровный голубой цвет. Петр Арианович торопливо подскочил к ней с мелом в руке и порывистыми штрихами изобразил мыс, основание которого наметил беглым пунктиром. Там пока новая земля еще не была исследована.

– Ледовитый океан называют «маре инкогнитум» – море неизвестное, – сообщил Петр Арианович, потряхивая на ладони таинственный компас-брелок и рассеянно улыбаясь своим непонятным для нас мыслям.

Удивительнее всего, по его словам, было то, что Северная Земля лежала совсем рядом с материком, в пятидесяти пяти километрах от мыса Челюскин. К ней приближались, мимо нее проходили, но так и не видели, не могли обнаружить в тумане. Плотная стена тумана стояла вдоль побережья Сибири, охраняя тайны Ледовитого океана.

– А говорят еще – нет белых пятен! – восклицал наш учитель, расхаживая по классу и с воодушевлением поглядывая на только что появившуюся на карте землю. – Врут, врут! Это лежебоки говорят, лентяи, которым с печи лень сойти, в окно выглянуть. Считали же когда-то, что Азия с Америкой – один материк. А пришли наши Дежнев, Беринг, Чириков, увидели – вода, пролив!.. И заметьте – всё большей частью простые люди: казаки, поморы, якуты-проводники! Или же лейтенанты морского флота, как Овцын, Малыгин, братья Лаптевы... Простые, простые люди! Не адмиралы, не члены академий королевских...

Мысль эта, видимо, доставляла ему особое удовольствие. Об открытии Северной Земли Петр Арианович говорил с таким волнением, словно это событие имело непосредственное и самое живое отношение к чему-то личному, очень важному для него.

Как сейчас слышу его низкий, чуть хриловатый голос, повторяющий медлительно, в раздумье:

– Маре инкогнитум – море неизвестное... Море тайн, море тьмы...

Почему он был так увлечен этим морем? Почему рассказывал о нем с такими красочными подробностями, так ощутительно реально?..

Минули уже и рождественские каникулы; а новый учитель по-прежнему оставался непонятным, неразгаданным. Об этом свидетельствовало хотя бы то, что он до сих пор не имел прозвища.

По плохим школьным традициям того времени, мы наделяли прозвищами почти всех учителей. Это получалось легко, само собой. Математик был у нас Перпендикуляр, потому что держался чрезвычайно прямо, не сгибая шеи и спины. Законоучитель, отец Фома, назывался Лампадкой, – уж очень был елейный, какой-то весь масляный.

Но для нового учителя прозвища не находили.

Могли ли мы ожидать, что прозвище для учителя географии придумают в недалеком будущем не школьники, а взрослые?

...Но теперь попрошу вас последовать за шумной гурьбой мальчиков, закидывающих за спину ранцы и обменивающихся веселыми тычками, спуститься вместе с ними по лестнице мимо заспанных, позеленевших от дождя чугунных драконов, которые охраняют вход в весьегонское реальное училище, и выйти на улицу.

Справа, над крышами домов, торчит каланча; слева, у подножия собора с ярко-синими маковками куполов, расплзлись по площади лабазы.

Таков Весьегонск, уездный город, где я провел детство.

Глава вторая. Душа общества

Это был очень скучный город.

Возможно, многие в нем готовы были поверить Косме Индикоплову, который помещал мир внутри сундука.

Им было, по-видимому, хорошо там, несмотря на тесноту и спертый воздух. А если крышка приоткрывалась над ними и пропускала немного света, они начинали метаться, зажмурив глаза, ударяясь сослепу о стены и больно ушибаясь...

Помню, как были все удивлены, узнав, что в энциклопедии упомянут наш город.

Этому не поверили. Кинулись к словарю, перелистали. Да, точно: после весов аптекарских и императора Веспасиана значился Весьегонск!

Мой дядюшка вышутил это «событие».

– Чего хорошего-то? – спрашивал он. – Теперь все знают про нас, вся Россия. И в Петербурге знают и в Москве. А может, лучше бы не знали? – И, далеко отставив словарь, декламировал с ироническими интонациями: – «Весьегонск, уездный город Тверской губернии. Церквей каменных четыре, домов каменных четыре, деревянных семьсот пятьдесят девять. Грамотных среди городского населения пятьдесят семь и четыре десятых процента...» Это, стало быть, каждый второй неграмотный... – комментировал он, отрываясь от чтения. – Ага! Вот оно, вот-вот, самое смешное! «Герб города, – дядюшка возвышал голос, – герб города Весьегонска составляет черный рак на золотом поле!...»¹ – Живот его, выпиравший из-под пиджака, колыхался от беззвучного хохота. – Каково, а? Рак! У других, как полагается, лев там, единорог или сокол, а у нас – рак, снесь речная... А вы радуетесь, пляшете, в литавры бьете... Энциклопедисты!

Посмеявшись, весьегонцы отходили от полки с книгами.

– Шутник ты, Федор Матвееч! Тебе бы придаться к случаю, ничего святого нет...

Этой своей репутацией шутника, для которого ничего святого нет, дядюшка дорожил, пожалуй, не меньше, чем недавно полученной медалью в честь трехсотлетия дома Романовых.

Не знаю, какую должность занимал он в городской управе, что-то мизерное – служил чуть ли не секретарем, хотя имел университетское образование. Положение его определялось, впрочем, не должностью. Дядюшка был в Весьегонске признанным остряком, душой общества.

Сама наружность соответствовала его призванию. Щеки были такие румяные и круглые, точно он хотел сказать: «Ф-фу, жара!» Борода расчесана на обе стороны, «на отлет», и усы заботливо завиты кольцами. Только голос был нехорош: какой-то писклявый, квакающий. А из-за век поблескивали иногда беспокойные, злые огоньки.

Издавна он коллекционировал в нашем городе чудаков, как другие от нечего делать коллекционируют марки.

Так, был найден им старый, выживший из ума помещик, которому показалось, что он изобрел вечный двигатель. Потом в коллекцию угодил податной инспектор, увлекавшийся индусской философией и занимавшийся нравственным усовершенствованием по самоучителю.

Проходило немало времени, прежде чем коллекционируемые догадывались, что их, так сказать, поместили под стекло и насадили на булавку.

А дядюшка между тем резвился и шалил, как дитя.

Каждый раз он менял обличье и тон при встречах со своей жертвой. Иногда принимал вид добродушного сочувствия, спрашивал участливым голосом, не болен ли дражайший имярек. Рекомендовал домашние средства лечения, послабляющие, компресс из льда на голову и про-

¹ Таков действительно был герб Весьегонска.

чье. В другой раз изображал, наоборот, доверенного друга и даже наперсника тайн. Бормотал невнятно какую-то чушь, которая должна была означать, что он на правах единомышленника посвящен во все сокровенные замыслы своего «драгоценного приятеля». Многозначительные подмигивания и покашливания, с которыми он через всю комнату адресовался к своей жертве, обычно вызывали шумный восторг зрителей. Называлось это «делать фигуру умолчания».

Иногда мне представлялось, что дядюшка шутки ради прицепил себе фальшивую бороду, а в действительности он злой мальчишка, чуть постарше меня, второгодник, озорник, из тех, которые любят мучить малышей.

С годами, однако, дядюшка стал сдавать.

– Э-эх, посмотрели бы вы, какой он раньше был! – рассказывали старожилы. – Пикадор! Либерал! Самому исправнику к фалдам бумажного чертика на маскараде прицепил. Чуть до дуэли не дошло! Вот как!.. Ну а теперь не то, нет...

И старожилы грустно качали головами.

– Что это с тобой, Феденька? – спрашивали они с участием. – Не болен ли ты? Не то у тебя выходит, знаешь ли!..

Сам дядюшка чувствовал, что не то. Он мог поперхнуться водкой, чего с ним ранее не случалось, мог забыть припасенный с утра экспромт, повторить в один вечер тот же анекдот и только по смущенным лицам друзей догадаться, что снова не то.

Постарел-поглупел? Нет. Он понимал, что дело в другом.

Коллекция нуждалась в пополнении.

В этот-то критический для него момент замаячила на горизонте коренастая, невысокая фигура, двигавшаяся по улицам Весьегонска быстро, почти бегом. Полы старомодной черной крылатки раздувались. Толстая палка бодро постукивала по тротуару.

Чудак? Несомненно. Но какой масти чудак? В чем суть его чудачества?

Оказалось, по наведенным справкам, что Петр Арианович Ветлугин – сын местного почтового чиновника, умершего несколько лет назад. Чиновник ничем примечателен не был, кроме того, что из последних средств, отказывая себе во всем, старался дать сыну высшее образование. «В этом, – говорил он друзьям, – вся моя мечта, утверждение жизни...»

Мать Петра Ариановича, тихая, чистенькая старушка, почти неслышно жила в одном из весьегонских переулков, снимая квартиру у вдовы исправника. Сын по приезде из Москвы поселился там же...

Исправница была поразительно глупа даже для Весьегонска. Гренадерского роста и осанки, с багровым неподвижным лицом и мелко завитым шиньоном а ля вдовствующая императрица Мария Федоровна, она говорила басом и слово «монпансье» произносила в нос с такой выразительностью, что на подсвечниках звякали стекляшки.

Когда ее обокрала горничная, она ездила по знакомым и с порога объявляла трагически: «*Finita la comedia!*!»² Затем, не снимая шляпы, грузно опускалась в кресло и, приняв чашку с чаем, переходила к подробностям.

Однажды, тряся шиньоном и подмигивая (у нее был тик, придававший значительность каждому сказанному ею слову), она возвестила слушателям, что ее квартирант – чудак. Чудачества его начинались с утра.

– Телешом, да-с, почти что телешом выбегает во двор, – рассказывала она вздрагивающим голосом, – и ну, знаете ли, снегом посыпать себя!

Дамы всплескивали руками.

Зрелище голого по пояс человека, выбегающего на мороз и обтирающегося снегом из сугроба, привлекало любопытных. У окон теснились жильцы. В задумчивой позе, наподобие монумента, застывал дворник с лопатой, расчищавший дорожки.

² «Комедия окончена!» (итал.)

– Мне-то каково, а? – негодовала исправница. – У меня не цирк, у меня дом! Хочешь кувыряться в снегу, вон поди! В цирк, в цирк!..

Узнав о пересудах, Петр Арианович вскоре перенес свои обтирания в сенцы, куда ему приносили снег в лохани.

Станным казалось также, что приезжий не курит, не пьет.

– Я, признаться, как-то не вытерпела. «Вы, – говорю, – Петр Арианыч, может, из секты какой-нибудь? Молоканин, штундист?» Посмотрел на меня через очки свои, будто, знаете, пронзил взглядом! «Нет, – отвечает, – Серафима Львовна. Просто берегу себя». – «А для чего бережете?» – «А для будущего», – говорит. «Для какого же будущего, позвольте узнать?» Молчит!..

В городе не удивились, узнав, что дядюшка уговорил; нового учителя прийти к нему. В тот вечер он приглашал гостей «на чудака», как приглашают на блины или уху.

...С Петром Ариановичем дядюшка сразу же поспешил стать на короткую ногу.

– Боже мой, я ведь тоже в Москве, в университете... – бормотал он. – Ну как же, боже мой!..

И, легонько обняв гостя за талию, притопывая, начинал:

– Гаудэамус игитур...³

Гость не подтягивал. Он стоял посреди гостиной, свесив свой молодецкий чуб и поглядывая на нас исподлобья.

– Это племянник ваш? – спросил он, заметив меня и подавая мне руку. – Столько на уроках спрашивает всегда... Любознательный!

– Как я! Точь-в-точь, как я! – заспешил дядюшка, потирая руки, поеживаясь и похихивая, будто только что выскочил из-под холодного душа.

Он начал расставлять ловушки непонятному человеку еще за чаем, но осторожно, опасаясь, как бы не спугнуть. Когда же гости уселись играть в лото, дядюшка свернул разговор на географию: нюхом чуял, что смешное – то, за чем охотился – связано с географией.

– Вот вы говорите: Вилькицкий, Вилькицкий, – донесся до меня квакающий дядюшкин голос. – А что хорошего-то? Подумаешь: клочок тундры нашел! Или какие-то две скалы в океане... Это не Пири, нет.

– Открытие Вилькицкого считаю еще более важным! – с горячностью отвечал учитель. – Самое значительное пока географическое событие нашего времени.

– Ой ли?

– Да ведь земля!.. И не две скалы, как вы говорите, а архипелаг! По территории, думаю, не меньше, чем, скажем, Бельгия или Ирландия... А принципиальный смысл открытия? – Петр Арианович отодвинул кубики лото. – Нашли землю там, где не рассчитывали ничего найти...

Меня услали за чем-то из комнаты, а когда я вернулся, наш учитель уже стоял, держась за спинку стула и сверху вниз сердито глядя на дядюшку.

– ...потому что американцы – вот что! Не нашим чета, – втолковывал ему дядюшка.

– Американцы? – переспросил Петр Арианович и фыркнул. – А чем они встретили своего Пири, знаете?

– Нуте-с?

– Помоями. Ушатом помоев.

– Почему?

– Другой путешественник, Кук, представил доказательства, что побывал на полюсе раньше Пири.

– Пири, конечно, в амбицию?

– Еще бы! Подумайте, в каком оказался положении! Газеты подняли шум...

³ Начало студенческой песни «Будем веселиться, друзья» (лат.).

– Нехорошо.

– Чего хуже! Сплетни, гадость. Как в последнем уездном городишке... Пири обвиняет Кука в том, что тот подкупил своих спутников. Кук обвиняет Пири в многоженстве... А выражения!.. Я в Москве, в Румянцевской библиотеке, читал – там получают американские газеты. «Живые свидетели пакостей Пири!», «Человек с греховными руками!», «Похититель денег у детей!», «Покрыт паршой невыразимого порока»... Фу, мерзость!

– Стало быть, не Кук открыл?

– Кук до полюса не дошел пятисот миль. «Величайшая мистификация двадцатого века» – так писали газеты потом. А вы говорите – американцы!.. Рекорд, сенсация для американца – это все! Славу спешат разменять на деньги...

Петр Арианович быстро прошелся по комнате:

– Рекорд? Согласен. Но не географическое открытие. Даже глубины подо льдом не смог промерить. Троса не хватило. Слышите ли, троса!.. А возьмите плавание Текльтона. Это уже совсем недавно, наши дни. Его протащило во льдах по окраине Восточно-Сибирского моря. Тоже спешил к полюсу, видел только полюс впереди. И потому прошел мимо замечательного открытия, проглядел, прозевал!.. Уж потом другие разобрались и поняли, что... – Он запнулся и замолчал.

Впоследствии Петр Арианович рассказывал мне, что его поразила наступившая в гостиной тишина. Смолкли разговоры за столом и мерный стук кубиков лото. Шеи гостей по-гусиному были вытянуты в его сторону.

Здесь были самые разнообразные лица – одутловатые и длинные, багровые и бледные, – но все они сохраняли одинаковое выражение напряженного ожидания.

Прикрыв коротенькими пальцами выигранные гривенники, исподлбья смотрел на него училищный священник, отец Фома, в фиолетовой рясе. Рядом помаргивала и трясла шиньонном исправница. Помощник классных наставников, Фим Фимыч, выкликавший номера лото, застыл с кубиком в руке. Рот его, растянутый в улыбке, западал так сильно, что, казалось, все лицо можно сложить пополам. А впереди всех, верхом на стуле, восседал дядюшка.

– Да-да, другие разобрались и поняли, сказали вы? – нетерпеливо повторил он, подавшись всем туловищем к гостю.

Петр Арианович нервным движением поправил очки.

– Нет, ничего, так... – пробормотал он садясь. – Мысли вслух... И, конечно, некстати...

После этого он перестал бывать у нас, несмотря на все ухищрения моего дядюшки.

Он решительно не желал пополнять собой его коллекцию.

Глава третья. Свет в окне

А в училище больше всех интересовались учителем я и мой друг Звонков.

Дружба наша началась на уроке арифметики, при довольно странных обстоятельствах.

В ту зиму я долго болел, а когда опять явился в класс, за моей партой сидел новичок – стриженный, черненький, на вид бука, с толстым лицом и забавно вздернутым носом.

Условия предложенной классу задачи выглядели, кажется, так: два путешественника отправились из пункта А в пункт Б, причем, как водится, один позже другого. Требовалось узнать, через сколько времени второй догонит первого, если... И так далее.

Покосившись на соседа, я увидел, что он отложил перо и рассеянно смотрит в угол, шевеля губами.

– Ты что? – шепотом спросил я.

– Да вот не пойму, почему второй догонял первого, – также шепотом ответил он. – Может, сыщик был? Или мститель?

Я задумался.

– И что за пункты такие? – продолжал бормотать сосед. – А и Б?.. А и Б?..

– Если А – это Африка, – неуверенно предположил я. – То – Б – Бразилия... Тогда можно понять. Оба путешественника добывали алмазы в Африке на копиях...

– Ага! И первый у второго похитил алмаз?

Обстановка уточнялась. Было совершенно очевидно, что составители задачника Шапошников и Вальцев умолчали о многом. Одна красочная подробность выяснялась за другой.

– А тот – в погоню за ним...

– На шхуне через Атлантический океан...

– Да, на шхуне... Настигает его в Бразилии на берегу и...

– Звонков Андрей, – донеслось до нас издалека. – Какой ответ получился у тебя, Звонков?

Мой сосед медленно поднялся и застыл потупясь. Поза его говорила сама за себя.

Глаза математика остановились на мне, он ласково кивнул. Я вздохнул и тоже поднялся...

Нас оставили в наказание без обеда. (Впрочем, судьба, говорят, поступала так не раз и со взрослыми мечтателями.)

Сидя рядышком в пустом классе, мы некоторое время приглядывались друг к другу.

– Слушай, – произнес мой сосед, видимо, проникшись ко мне доверием, – тебя лупцуют дома?

– Н-нет, – ответил я нерешительно. – А тебя?

– Ого!.. Еще как!

Отец Андрей, конторщик на речной пристани, овдовел в прошлом году. После этого характер его переменился. Он начал пить запоем, как умеют только отчаявшиеся вконец русские люди. В пьяном виде он становился страшен, смертным боем бил сына, если тот подвернулся под руку, жег его учебники и тетрадки, выгонял из дому на мороз или под дождь. Протрезвившись, был тих, плакал, просил прощения.

– Рассерчал я раз на него, – рассказывал мой сосед, – решил совсем из дому уйти. Ну тебя, думаю, к богу с пьянством с твоим...

– Уйти?.. А куда уйти?

– Ну, мало ли куда! На Волгу к плотовщикам. Или к Черному морю, в Одессу. А там – юнгой на корабль...

– Не ушел все-таки?

– Не ушел. Вернулся из Рыбинска.

– Почему же так?

– Отца жалко стало...

Он неожиданно улыбнулся, немного сконфуженно. Улыбка у него была замечательная. Улыбались не только рот и глаза, но даже нос, который забавно морщился, будто владелец его собирался чихнуть.

Так в то томительно длинное, голодное «безобед» завязалась моя дружба с Андреем Звонковым...

Кто лучше меня мог понять его? Нет, в доме тетки, у которой я жил, никто не «лупцевал» меня, но что из того? Иной раз с горя тоже хотелось податься куда-нибудь на Волгу или в Одессу.

Мы с дядюшкой не терпели друг друга.

Возможно, ему неприятен был мой приезд (меня к ним привезли совсем малышом). Во всяком случае, он хмурился, когда в сопровождении тетки входил в гостиную, посреди которой стоял я.

Потом сразу же заулыбался и стал тормошить меня, спеша завязать знакомство, в котором не был заинтересован. Дети очень чутки ко всякой фальши.

Заметив, что я дуюсь, тетка, добрая женщина, решила исправить положение. Она сказала:

– Что ты, Леша, такой? Дядя шутит. Дядя всегда шутит. Он будет тебе вместо папы.

– Мой папа умер, – сказал я, глядя в пол.

И как ни уговаривали меня, я повторял эти слова упрямо, как заклинание, изо всех своих детских сил защищаясь от чужого человека с неискренней улыбкой, которого хотели навязать мне в папы.

– Чудак какой-то! – сказал дядюшка отходя. Этими словами он как бы вынес приговор. Он презирал чудаков.

С годами антипатия между нами углублялась. Видимо, все более определялось во мне то, что он считал проявлением смешного чудачества.

Не раз, подняв глаза от книги, я ловил на себе его испытующе-недоброжелательный взгляд.

– И в кого такой? – говорил он, поворачиваясь к тетке. – Никогда у нас не бывало таких... – И пророчествовал: – Ой, смотри, Алексей, зачитаешься, мозги свихнешь! Фантазии до добра не доведут... Слыхал поговорку: «Чудак все таланты имеет, а главного нет: таланта жить...»

Или принимался вышучивать.

– Алексей уже пугач прочистил, – сообщал он тетке, – и кусочки сахара стал откладывать. Остановка за двойкой по арифметике. Двойку получит – и к индейцам сбежит.

И сам смеялся своей выдумке.

Бывало, по вечерам от нечего делать он начинал придирается к моей наружности:

– Ну разве путешественники такими бывают? Погляди на себя в зеркало, погляди! Подбородок – как у девочки, брови жиденькие... А нос?..

Я глядел на себя в зеркало и тосковал. Возразить дядюшке было нечего. Я не любил своего лица. Характер на нем был намечен пунктиром.

Сделав уроки, я спешил взяться за книгу, торопливо распахивал ее, как окно в другой, яркий, залитый солнечным светом мир. Однако и сюда из глубины комнаты доносился противный, квакающий смех...

Так тошно делалось от этого кваканья за спиной, что я откладывал книгу и кидался к выходу.

– Леша, куда?

– К Андрею. Уроки делать...

Перебежав улицу, я прикинул к стене дома и издавал условный свист. Троекратный, согласно хорошим романтическим традициям!

Тотчас в окне появлялся силуэт моего приятеля. Я видел, как он мечется по кухне, торопливо натягивая шинель.

– Андрюшка, куда?

От грубого голоса его отца дребезжали стекла.

– «Куда, куда!» – бранчливо отвечал Андрей. – Сами знаете куда. К Лешке. Уроки готовить...

Он кубарем скатывался с крыльца, и мы мчались по улице, будто подхваченные снежным вихрем.

В кружащейся белой пелене возникали справа и слева низенькие домики с нахлобученными по самые окна крышами.

Одна игра сменяла другую. То мы пробирались вдоль заборов, сжимая в руках воображаемые карабины, то перепрыгивали через канавки и сугробы, «сбивая след». А если нас нагонял случайный прохожий, трусивший по тротуару озабоченной рысцой, мы сопровождали его иногда до самого дома, оберегая от предполагаемых преследователей.

Город в эти часы принадлежал только нам. Он волшебным образом преображался. Собор, купол которого нависал над улицей, превращался в вершину Скалистых гор. Сами улицы казались то ущельями, то руслами рек. И мы без усталости кружили в этом маленьком, выдуманном нами мирке, как белки в колесе, подгоняемые своим воображением.

Вспоминая сейчас это время, понимаю, что мы грезили на ходу. Свойство возраста!..

А когда надо было расходиться по домам, наши спутники – индейцы в длинном, до пят, перьевом уборе, пираты со сверкающими кинжалами в зубах, переодетые графы и герцоги в черных полумасках, сгорбившись, исчезали в переулках. Улицы были пустынные и тихи. Лишь снег негромко поскрипывал под ногами. Мелькали мимо низенькие дома, провожая нас тусклым взглядом подслеповатых окон...

Но однажды мы увидели яркий свет в окне.

– Вон лампу зажгли, – сказал Андрей без особого интереса. – У исправницы...

Подле невысокого деревянного дома стояло дерево. В столбе света, падавшем из окна – почему-то он был зеленым, – иней на ветках искрился подобно стеклярусу на празднично убранной елке.

– Отчего зеленый?

– Лампа под абажуром, – пробормотал Андрей и отвернулся.

Я собирался сделать то же, как вдруг к окну подошел человек и отдернул штору.

Это был наш Петр Арианович.

Нет, он не заметил меня. Он смотрел поверх моей головы, куда-то вдаль, со знакомым, задумчиво-рассеянным выражением. Таким бывало его лицо на уроках, когда он рассказывал о северных морях.

– О! Петр Арианович!..

Он отошел от окна, позабыв задернуть штору. Комната была теперь хорошо видна. Множество карт лежало повсюду – на столе, на узкой койке, даже на полу. В углу возвышалось громоздкое сооружение наподобие чана, в котором тускло отсвечивала вода.

Что бы это могло быть?

Лампа под зеленым абажуром бросала спокойный круг света на исписанный до половины лист бумаги.

Несомненно, именно здесь, в этой тесной комнате, доверху набитой географическими картами, на столе, заваленном раскрытыми книгами, скрывалась тайна нашего учителя.

Потянувшись, Петр Арианович вернулся к чану.

Мы, поднявшись на цыпочки, продолжали смотреть в окно.

Стоя к нам спиной, учитель географии что-то сделал с чаном, от чего тот стал медленно вращаться. По потолку над ним побежали, закружились светлые пятна. Ага, это учитель наре-зает ножницами бумагу на маленькие кусочки и бросает зачем-то в воду...

Я знал, что нехорошо подглядывать в окна, но так уж случилось в тот вечер. В извинение себе и Андрею могу сказать только, что подглядывание продолжалось не более двух или трех минут.

Старушка в чепце, сидевшая у стола с вязаньем – вначале мы не заметили ее, – что-то сказала, посмотрев в глубь комнаты. Тотчас оттуда протянулась узкая смуглая рука и задернула штору.

Андрей тихонько выругался...

С того вечера мы зачастили в переулок, где жил учитель. Тайна притягивала нас, как магнит. Прижавшись к изгороди или втиснувшись между присыпанными снегом кустами, мы надолго, в ожидании новых чудес, замирали перед освещенным окном. Но штора больше не раздвигалась...

Между тем туман таинственности, как выражался дядюшка, сгущался вокруг учителя все больше и больше.

– Оригинал, своеобразного ума человек, – с двусмысленной улыбкой говорил помощник классных наставников Фим Фимыч. – На почтамте даже удивляются: состоит в переписке чуть ли не с половиной России!.. Письма на его имя приходят из Москвы, из Петербурга, из Архангельска. Даже, можете себе представить, из Якутска!

– Непонятно! Из Якутска – в Весьегонск?! – изумленно спрашивал дядюшка. – Кто же может ему писать? И о чем?

Фим Фимыч разводил руками.

Ему пришлось развести их еще шире, когда стало известно, что во время ледохода учи-тель, как маленький, пускал с ребятами кораблики.

Да, так оно и было. Мы видели это с Андреем собственными своими глазами.

Обычно ледоход в наших местах начинается в первой половине апреля. Однако в том году весна была необычайно ранней. В середине марта вдруг потеплело... Подули южные ветры, снег растаял, и по реке поплыли льдины.

Тотчас ребята, жившие вблизи реки, и мы в том числе, кинулись туда. Наперегонки с нами бежали ручьи.

Делая плавные повороты, неторопливая Молога текла среди бурых огородов и деревян-ных домиков, вплотную подступивших к воде. Тоненькие льдинки кружились в завихрениях пены и задевали за низко нависший прибрежный кустарник.

Ярко сверкали на солнце кресты собора. Бамкал колокол на звоннице. День, к нашему удовольствию, был воскресный.

Мы стояли с Андреем в толпе на деревянном мосту, навалившись грудью на перила, оце-пнев от восторга.

– Глянь-ка, учитель! – удивленно сказали рядом.

Я посмотрел на берег, но увидел только стадо гусей. Надменно озираясь, они проследо-вали огородами к реке.

– Левее, левее!.. Вон там, – подтолкнул меня локтем Андрей.

Действительно, левее, у самой воды, я увидел учителя географии.

В своей развевающейся черной крылатке, в сдвинутой на затылок чиновничьей фуражке, он неторопливо шел по берегу, сопровождая игрушечный деревянный кораблик. За ним, соблюдая приличную дистанцию, двигалась гурьба зареченских мальчишек, мал мала меньше, в отцовских просторных ватниках и хлопающих по икрам сапогах.

– С ребятами связался! – вздохнул кто-то в толпе.

В руках у Петра Ариановича был длинный шест, которым он отталкивал кораблик подальше от берега. Иногда учитель останавливался, вынимал часы и что-то торопливо записывал в книжечку.

Нет, видно, он не просто забавлялся. Вот послунил указательный палец, поднял вверх. Из Майн Рида я знал, что так определяют направление ветра.

Странная процессия приблизилась к мосту.

Волнение охватило меня. Не знаю, чего я ждал. Быть может, чуда? Хотелось, чтобы мановением своего жезла Петр Арианович превратил игрушечный кораблик в настоящий ледокольный пароход с высокими бортами и мачтами, на которых развевались бы разноцветные сигнальные флажки...

Но этого не случилось.

Осторожно придерживая шестом кораблик, Петр Арианович направил его под мост. Почетный конвой в отцовских ватниках и сапогах забежал вперед, чтобы лучше видеть. Мы перевесились через перила.

Кораблик, который несло прямо на бык моста, сделал разворот и обошел препятствие зигзагом. Лдины стиснули и затопили его уже по другую сторону моста.

– Доигрался? – беззлобно спросили сверху.

Петр Арианович поднял лицо. Оно было разгоряченное, потное и радостно улыбалось, точно учитель нашел решение давно мучившей его загадки. Фуражка держалась на самой макушке.

– Чудак! – сказали в толпе скорее недоумевающим, чем укоризненным тоном.

Глава четвертая. Человек с тенью

Чудак ли?..

Наше представление о чудаках было иным. Нам рисовался сварливый старик, с угловатыми движениями, в глубоких калошах, разгоняющий зонтиком ребят, играющих в бабки перед окном его кабинета.

Петр же Арианович выглядел почти нашим сверстником. Что-то мальчишеское, очень привлекавшее нас, было в нем, какая-то веселая, размашистая удаль. Увлечшись изложением своего предмета, он не мог усидеть на месте – принимался бегать по классу, то и дело откидывая со лба прямые светлые волосы.

Замечено было, что в классе некоторые уже практикуются в этом откидывании волос, подражая учителю, – верный признак, что учитель нравится.

А как он рассказывал! Кто бы мог еще так рассказывать?..

И потом, у него была тайна, что выгодно отличало его от остальных известных нам людей...

В середине зимы в училище была доставлена посылка на его имя. Мы с Андреем видели через стеклянную дверь учительской, как он распаковывал объемистый ящик. Ничего необычного там не оказалось, только книги.

Петр Арианович бережно, обеими руками, вынимал их одну за другой, перелистывал, сдувал с переплетов пыль.

В тот день наш учитель не остался на репетицию спектакля, который готовили под его руководством старшеклассники, – сразу после уроков побежал домой, прижимая к себе стопку книг. Видно, ему не терпелось просмотреть их.

Книги были, наверное, интересными, потому что после их получения настроение нашего учителя заметно улучшилось. Чаше обычного он откидывал волосы со лба. На широких скулах рдел румянец.

С воодушевлением рассказывал он об эпохе великих русских географических открытий, прослеживая по карте путь храброго Василия Бугра или хладнокровного Бузы Елисея.

Архангельские поморы, мангазейские купцы, казаки якутского острога двигались на север и восток чаще всего по воде, зигзагом, то спускаясь многоводными сибирскими реками в тундру, то по их притокам забираясь в недра тайги.

Отважные русские люди даже решались выходить в океан на своих утлых кочах.

Это были широкие плоскодонные лодки, которые шли обычно на веслах и лишь при попутном ветре – на парусах. Парусами служили сыромятные олени шкуры. В кочах не было ни одного железного гвоздя, ни одной скобы. Даже якорь делали из дерева, а для тяжести прикрепляли к нему камни.

– Какую смелость надо было иметь, – восклицал Петр Арианович, – какими искусными быть мореходами, чтобы на таких суденышках совершать вылазки в Ледовитый океан!.. Недаром наш Ломоносов сказал: «Колумбы!.. Колумбы русские!..»

Петр Арианович признавал, что сравнение удачно и есть много общего в двух этих, встречных людских потоках, почти одновременно с разных концов, огибавших землю. Но были и важные различия между западноевропейскими и русскими Колумбами.

Западноевропейские, по его словам, становились в случае удачи вице-королями, наместниками, губернаторами, получали богатую долю в доходах, награждались гербами, поместьями, титулами, русские же как были, так и оставались простыми людьми. Сам народ присвоил им общий скромный титул – «землепроходцы».

– Конечно, и личная выгода имела значение, – пояснял Петр Арианович, – но забота о славе отечества была у русских открывателей земель на первом месте!.. До нас дошли слова

Василия Тимофеевича Аленина, более известного под именем Ермака: «Постоим же крепко, и память наша не оскудеет в сих странах, и слава об нас пойдет во веки».

Петр Арианович победоносно оглядывал класс.

– Мало того, – сказал учитель, таинственно понижая голос, – иностранные шпионы из кожи лезли вон, чтобы разузнать о морском пути в Индию вдоль Сибири. Большинство наших открытий поэтому сохранялось в секрете. Некоторым так и суждено было погибнуть в архивах. Даже о плавании Дежнева узнали только спустя сто лет. Петр Первый послал Беринга проведать, сходится ли Америка с Азией, не зная, что Дежнев уже решил эту задачу... Я прочту вам, что писал об этом русский мореплаватель Федор Литке... – Петр Арианович вытащил из кармана записную книжку. – «История первых покушений россиян в Ледовитое море, – прочел он вслух, – и постепенных открытий всех мест, оным омываемых, представила бы, конечно, не менее удивления и любопытства достойных подвигов, как и подобная история норманнов: но все они скрыты от нас непроницаемой завесой неизвестности...» Непроницаемой ли, вот вопрос!

Петр Арианович прервал чтение и, заложив пальцем страницу, многозначительно посмотрел на нас поверх очков:

– Не все архивы подняты, далеко не все. Много документов, относящихся к эпохе великих русских географических открытий, не опубликовано... Представьте: какому-нибудь счастливцу географу вдруг удалось бы приподнять завесу, на которую жаловался Литке...

Он замолчал, досадливо морщась и покашливая, как бы сердясь на себя за то, что сказал лишнее.

Несомненным было одно: из всех географических открытий XVI, XVII и XVIII веков больше всего интересовали нашего учителя открытия на Крайнем Севере России, и именно в той его части, что примыкает к Америке.

Почему?

Ответ на этот вопрос дала исправница, первая вестовщица в городе, явившись к нам в гости с очередной новостью.

– Учитель-то! – не сказала, а выдохнула она, монументально возникая на пороге.

– Что учитель?... Милости просим! Да входите же, Серафима Львовна!

Парадным шагом, как была – в шубе и ботах, исправница прошла по комнате и рухнула в кресло.

– Голубушка, Серафима Львовна! – всполошилась тетка. – Что случилось? На вас лица нет!

Исправница торопливо расстегнула шубу, вытерла платком распаренное, багровое лицо и устала на слушателей.

– Учитель-то! Жилец мой! – повторила она.

– Что? Ну что?

– Человек с тенью!

– Как так?

– А так! Не то ссылался, не то привлекался... Его мать проговорилась вчера... В общем, верно вам говорю: человек с тенью.

– Позвольте, – усомнился дядюшка. – Если ссылался, то как же в училище преподает? Ему не разрешили бы.

– Не знаю, не знаю. Привлекался, подозревался... Что-то такое, в общем...

Дядюшка задумался и некоторое время барабанил пальцами по столу.

– Это, знаете ли, идея!.. – начал он бодро.

Но тут с колен у меня, к моему ужасу, со стуком свалилась книга. Потрепанные страницы Майн Рида разлетелись по комнате.

– Опять ты здесь! – раздраженно воскликнул дядюшка. – Зачем ты здесь? Вот наказание с тобой!

– Наш Леша – странный мальчик, – пожаловалась тетка гостье. – Почему-то всегда со взрослыми, в гостиной... Будто в доме места нет.

Да, в доме было много места, но более уютного, чем здесь, не было.

Часы после уроков я предпочитал проводить в гостиной, укрывшись за карликовой комнатной пальмой. Возможно, что за фикусом или геранью я не чувствовал бы себя так хорошо. Все-таки это была пальма, хоть и в кадке. Шорох ее метелкообразных листьев навевал приятное настроение. Голоса взрослых доходили сюда, как бы пробиваясь сквозь густые тропические заросли.

Но слова исправницы я услышал ясно.

«Ссылный?.. Вот как! – думал поспешно собирая с полу разлетевшиеся страницы. – Может, отбывал ссылку в Сибири? Может, бежал оттуда?..»

Это было важно. Это давало новое направление нашим с Андреем догадкам.

Я зашвырнул, книгу на самый верх этажерки, схватил первые попавшиеся под руку учебники и кинулся с ними к выходу.

– Леша, куда? – окликнула тетка из гостиной.

– К Андрею. Дали задачу на дом. Хочу проверить решение...

«Человек с тенью»... Петра Ариановича преследуют! Тень – это преследователь! Кто-то идет за Петром Ариановичем по пятам!

Мне представился наш учитель географии в своей развевающейся крылатке, перебегающий улицу. Ночь. Луна. Мгновение улица пуста. Затем из-за угла, ярко освещенного луной, медленно выдвигается злобный силуэт. Только тень! Самого человека не видно...

Кто же он такой – наш учитель географии? Почему его преследуют?

– Ссылный, понимаешь? – втолковывал я Андрею. – Был ссылкой. Долго скитался по Сибири...

– Может, с рудника бежал?

– Ага! Прятался в тайге...

– Переплыл Байкал...

Мы то вскакивали с места, то снова садились, то снижали голос до шепота, то принимались кричать друг на друга. Все правдоподобнее становилась наша догадка-вымысел, разматываясь виток за витком, как волшебная, далеко уводящая нить.

И когда Андрей, прикинувшись простачком, вдруг спросил Петра Ариановича на уроке, не бывал ли он в Сибири, а тот, вздохнув, ответил, что за всю свою жизнь из Центральной России никуда не выезжал, мы только многозначительно и важно, переглянулись.

Еще бы! Станет он на уроке выкладывать всю подноготную!

С презрением поглядывая на одноклассников, мы надувались, как голуби-трубачи. Тайна переполняла нас. Никто не догадывался, почему учитель хорошо знает Север России, а мы с Андреем догадались. Два человека в Весьегонске, больше никто!

Но задача была решена неправильно.

Глава пятая. Прозвище

Дядюшка решил ее иначе.

Он раньше нас проник в тайну учителя, причем со свойственной ему суетливостью, забежал с задворок, с черного хода. Впоследствии Андрей утверждал, что не иначе, как дядюшке помогли его приятели из жандармского управления.

Возможно, что перехватывалась и читалась обширная переписка Петра Ариановича; возможно, что кое-какие сведения были добыты непосредственно в Москве.

Дядюшка, во всяком случае, был вознагражден за все свои хлопоты. Приезжий явился украшением его коллекции.

– Вдумайтесь, вдумайтесь только, господа! – упрашивал дядюшка, простирая руки к сидящим на диване и в креслах удивленным гостям. – Живет учитель географии. И где живет? В Весьегонске в нашем, то есть посреди болот, за тридевять земель от всякой цивилизации. – В горле его что-то восторженно попискивало. – Нуте-с... И вот из дремучей глуши увидел вдруг острова. Не один, заметьте, – много, целый архипелаг! Новехонький, даже без названия, не открытый еще никем... Где же увидел? В Северном Ледовитом океане. Как увидел? Почему?

Весьегонцы ошеломленно смотрели на дядюшку.

– Через телескоп или в бинокль? Ничуть! Умозрительным путем. Силой мысли, так сказать.

– Это смешно!

– Уж так, то есть смешно...

Входили новые гости.

– Приезжий-то, знаете?... – бросался к ним дядюшка.

– Что?

– Острова открыл!

Гости пугались.

– Где?

– То-то и есть, что где! На краю света! В Северном Ледовитом океане!

– Бывал, что ли, там?

– То-то и есть, что не бывал. За письменным столом сидючи открыл... Другие путешественники – на корабле, верхом, пешком, а наш путешественник – в кресле сидючи.

– Как так?

– А так. Ткнул карандашиком в карту. «Здесь, – говорит, – мой архипелаг! Негде ему больше быть, как здесь».

В гостиной смеялись. Один дядюшка не смеялся.

Подлинно счастье привалило ему! Он бы год трудился – такого смешного сюжета не выдумал. А тут сюжет для анекдота, серии анекдотов сам давался в руки!

– Ну вас! – говорил он, поблескивая глазами и расправляя бороду. – Радоваться бы, торжествовать, что среди нас такое светило живет, а вы со смеху помираете, шута из него делаете!

– Позвольте, Федор Матвееч! – поднимала голову исправница. – Как же говорите: в Сибири не бывал? Он именно бывал: ссылался, привлекался...

– Не ссылался! Точно знаю! Не ссылался!.. Привлекался, да. Участвовал в студенческой забастовке... И вот результат! Имея влечение к научной географической деятельности, к такой не допущен! Вместо Северного полюса и всемирной славы пожалуйте на болото, в Весьегонск!

– Скажите! – качали головами гости, усаживаясь за стол и продолжая разговор под однообразное постукивание бочоночков лото. – Человек еще молодой...

– Заучился, бедный... Это бывает. Учится, учится, а потом...

– Двадцать пять...

– Закрыто!

Один лишь обстоятельный отец Фома, училищный священник, пытался доискаться тайного смысла в причудах учителя.

– Позвольте, – бормотал он, – что за острова? К чему острова? Может, иносказание, конспиративная аллегория?

Тогда же, за лото, сообща придумали и прозвище: Робинзон.

– Робинзон... Очень хорошо! Остров открыл...

– Он и у нас, как на острове, живет. В лото не играет, сторонится приличного общества...

– Ха-ха! Робинзон! Только без Пятницы!..

Впрочем, может быть, им даже гордились немного – собственным городским чудачком – наравне со знаменитой весьегонской ярмаркой и собором.

А купцы из Вятки, Твери и Ярославля, побывав на ярмарке, разнесли по своим городам анекдот о чуде-учителе, который, не отходя от письменного стола, в Ледовитом океане острова открыл.

Прозвище из гостиной переключалось на улицу.

Представьте себе длинную, узкую улицу. Вечереет. Вдоль деревянных тротуаров, по местному «мостков», шаркая подошвами, двигаются пары. Дойдя до конца улицы, они круто поворачивают и идут обратно.

Это «гулянье».

Песен на «гулянье» не слышно. В городе не дозволено петь – не деревня! Зато звонко, как из граммофонной трубы, вырывается на улицу треньканье балалаек или молодецкий перебор трехрядки. И так же разом вдруг обрывается. Это открылась и закрылась дверь одного из трактиров. На главной улице Весьегонска девять трактиров...

Иногда можно увидеть на улице и крылатку учителя географии.

Свою вечернюю прогулку Петр Арианович совершал обычно в одиночестве. Он шел, как всегда, очень быстро, энергично постукивая палкой, чуть подавшись вперед, погруженный, в размышления.

Простой люд уступал ему дорогу молча и с уважением.

Но вот со звоном и грохотом распахивалась дверь трактира. Загулявший купчик вываливался оттуда. Утвердившись на шатких ногах и оглядевшись, он замечал крылатку учителя.

– Господину Робинзону! – орал он, сдергивая с головы шапку и потрясая ею. – Наше вам! С кисточкой!

Петр Арианович строго смотрел на крикуна и, не замедляя шага, проходил мимо...

Однако в реальном училище прозвище, данное дядюшкой, не прижилось. Петр Арианович был единственным из преподавателей, которого мы, ученики, звали по имени и отчеству как в глаза, так и за глаза...

Глава шестая. Тень человека

Но каково было нам с Андреем?!

В грустном молчании проводили мы перемены на широком подоконнике в коридоре. Мимо шныряли наши товарищи, весело толкаясь и подставляя друг другу ножку. Семенил, как всегда держась ближе к стеночке, первый ученик Союшкин. Широко вышагивал, вертя во все стороны маленькой головой, помощник классных наставников Фим Фимыч.

Итак, всё? Тайны нет больше?

Андрей не мог примириться с этим.

– Врут, врут! – повторял мой друг, сердито морща вздернутый нос. – Глупости: на Севере не бывал!.. Самим завидно, сами небось не бывали нигде, вот и наговаривают на него.

Андрей был сторонником решительных действий.

– Слушай, пойдем спросим, – уговаривал он. – Прямо пойдем в учительскую и скажем.

– Чего скажем-то?

– Не может быть, скажем, чтобы вы не бывали в Сибири...

Начав решительно и громко, Андрей переходил постепенно на сбивчивый шепот.

Да, легко сказать – пойдем и спросим!

Однажды мы явились в переулок засветло, в часы, когда учитель отправлялся на прогулку, и прошли мимо его окон. Надеялись на что-то неопределенное, на случай. Учитель, однако, не вышел.

Мы расхрабрились до того, что подошли к входной двери и совсем было собрались постучать, но слишком долго топтались у крыльца, препираясь, кому войти первому.

Этим воспользовалась девчонка, жившая в прислугах у исправницы. Она высыпала на нас совок золы со второго этажа.

И мы даже не могли забросать ее снежками, потому что круглое ухмыляющееся лицо то появлялось, то исчезало в форточке, как Петрушка.

Ну и противная же была девчонка! Даже кучье, рыжевато-голубого цвета косички торчали на голове с нелепым, раздражающим вызовом.

Мы знали, что ее зовут Лизкой, потому что слышали, как окликала хозяйка. Лизка не ходила, как все люди, а носилась всегда стремглав, дробно стуча по полу босыми пятками.

Конечно, ниже нашего достоинства было связываться с девчонкой, и мы сделали вид, что ошиблись домом.

Мы снова пришли в переулок вечером. Что-то по-прежнему тянуло нас сюда. Наверное, луч света, падавший на снег из окна. Он был ярко-зеленый, какой-то очень уютный и приветливый.

Глядя на него как замороженные, мы простояли в молчании минут десять и уже собрались было уходить, как вдруг штора колыхнулась.

Но раздвинул ее не Петр Арианович.

Человек, смотревший в окно, повертел в разные стороны маленькой головой, будто приносясь к морозному воздуху, швырнул в открытую форточку окурок и снова отошел от окна.

Это был Фим Фимыч.

Удивленные, мы приблизились к дому и, приподнявшись на носки, заглянули в окно.

Видно все-таки было неважно.

Тогда я, недолго думая, проворно вскарабкался на дерево, которое росло как раз против окна, и, скорчившись, пристроился на ветке, хотя она потрескивала и гнулась подо мной.

Испытанный прием разведчика! Отсюда, со своего наблюдательного поста, я передавал краткие волнующие сообщения Андрею, нетерпеливо подскакивавшему внизу.

Комната была хорошо видна. Фим Фимыч, скрестив длинные ноги, раскачивался на качалке. У книжного шкафа стоял Петр Арианович. Лицо его было повернуто вполборота. По брезгливо выдвинутой нижней губе можно было судить о том, что он не очень-то обрадован посещением.

О чем говорили собеседники, слышно не было – нас разделяли двойные рамы.

Видимо, Петр Арианович не нашел на полке книгу, которую искал. Он сказал что-то Фим Фимычу и, взяв со стола лампу, вышел.

С полминуты, наверное, в комнате было темно.

Потом вспыхнул колеблющийся огонек спички. Он поплыл по диагонали через всю комнату от качалки к письменному столу. Пятна света падали на книжные шкафы, на разбросанные повсюду географические карты.

Спичка потухла. Тотчас Фим Фимыч зажег другую. Он, видимо, волновался, потому что, шагнув к столу, свалил стул и некоторое время стоял неподвижно, втянув голову в плечи, уставившись на дверь.

Все в комнате приняло совсем другой вид – причудливый, тревожный. Пламя спички покачивалось в высоко поднятой руке. На стеклах шкафов появились отблески. Казалось, вещами в комнате овладело беспокойство. Враг, вор, чужой был среди них!

Горящая спичка – уже четвертая или пятая по счету – совершала порывистые зигзагообразные движения в руке Фим Фимыча. Он кинулся к столу, остановился, с раздражением оттолкнул свиток карт, который подкатился под ноги, преграждая дорогу.

Скрюченная, как вопросительный знак, зловеще длинная тень скользнула по потолку. Она закрыла от меня стол.

Так вот что означало это выражение: «человек с тенью»!

У Петра Ариановича действительно была тень. И она, как в сказке, существовала самостоятельно, отдельно от него. Стоило человеку уйти за дверь, как тень тотчас же принималась хозяйничать в оставленной им комнате, притворяясь человеком.

Вдруг спичка, догорев, пролетела по комнате. За ней мелькнул длинный светящийся след.

Секунду было темно. Затем в дверь вплыла лампа под зеленым абажуром. И все вещи сразу же встали на свои места.

А посреди комнаты на качалке, удобно скрестив длинные тощие ноги, все так же покачивался Фим Фимыч.

Надо было что-то сделать, подать Петру Ариановичу сигнал. Но как?

С удивлением я увидел, как помощник классных наставников, изогнувшись, принял у Петра Ариановича книгу. Нижняя, брезгливо оттопыренная губа нашего учителя оставалась в прежней позиции. Впрочем, он проводил своего гостя до дверей.

Спускаясь с крыльца, Фим Фимыч прошел так близко от нас, что я мог бы коснуться его рукой. Доски тротуара заскрипели под его ногами. Скрип затих удаляясь.

Петр Арианович в раздумье стоял у стола, над исписанными листками.

Бедный, доверчивый человек! Ему невдомек, кого он принимает у себя. Фим Фимыч – его враг, это было ясно для нас. Фим Фимыч стремится выведать важную тайну, быть может, похитить со стола одну из драгоценных записей учителя географии...

Записи!

Мы с ужасом переглянулись и кинулись опрометью к входной двери. Нельзя медлить ни минуты!

Но судьба, приняв на мгновение образ известной читателю девчонки с торчащими косичками, помешала нам выступить в роли благородных спасителей Петра Ариановича, раскрывающих глаза на вероломство его врагов.

Едва мы шагнули на крыльцо, как распахнулась дверь и что-то визжащее кубарем подкатилось мне под ноги. То была рыжая девчонка.

Она больно ущипнула меня за руку и рывком втащила в прихожую. Здесь, запнувшись об порог, я бесславно упал.

Это еще было бы ничего. Но, по обыкновению мальчиков нашего города, карманы мои были набиты разнообразной, преимущественно металлической, дрянью, и, покотившись по полу, я затарахтел всеми своими жестяными коробочками, медяками, свистками, как гремучая змея.

Рыжая злорадно хохотала.

– Ага, попался! Ага! – кричала она над самым ухом невыносимо пронзительным, торжествующим голосом. – Одного держу, другой убеги!.. Скорее, Петр Арианыч!

Я отмахнулся от девчонки, угодив ей, кажется, в нос и вскочил на ноги. Но сильная рука придержала меня за шиворот.

– Подожди, голубчик, – сказал надо мной голос Петра Ариановича. – Как это ты попал сюда? Из рогатки тобой выстрелили или как?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.